

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(470)

Дата поступления: 12.08.2021
рецензирования: 25.09.2021
принятия: 26.11.2021**«Пасторские дела» в воспоминаниях А.Ф. Кони: проблемы свободы совести в Российской империи накануне Первой русской революции****Д.В. Рыбин**Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: danilarybin@rambler.ru. SPIN-код: 9503-1890. Author ID: 424517.
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4851-2235>

Аннотация: В статье рассмотрена неизученная тема о судебной практике Сената в отношении правового статуса лютеранских священников Прибалтики в конце XIX века. Определяется значение политики государственного давления на протестантских пасторов в контексте общего наступления МВД и Синода на неправославные религиозные организации при К. Победоносцеве. Рассмотрение данного вопроса с позиции высшего суда империи раньше в научной литературе не предпринималось. При подготовке работы был использован главным образом нарративный материал – воспоминания обер-прокурора Сената. Из-за небольшого количества дел и полусекретного характера, материалы Сената не нашли особого отражения в сборниках постановлений и приговоров. Для исследования данной темы применялся проблемно-хронологический подход. В результате причины слабого давления на протестантских пасторов автор связывает с глубокой укорененностью лютеранства в народной среде, грубой деятельностью полицейских органов и церкви, опасениями ссоры с лютеранскими странами Европы и пр. Немногие приговоры против пасторов, «совративших» «православных» в иную веру, доходили до Уголовно-кассационного департамента Сената, где встречали сопротивление группы сенаторов во главе с известным юристом, гуманистом А.Ф. Кони. Среди многочисленных раскольничьих и сектантских дел обер-прокурора и сенатора Кони обращают на себя внимание так называемые «пасторские дела», а между тем они хорошо иллюстрируют церковно-государственную политику Российского государства на окраинах империи накануне Первой русской революции. Автор делает вывод, что «пасторские дела» интересны не только с точки зрения борьбы российских иноверцев и отечественной просвещенной интеллигенции за свободу совести в России, они также позволяют взглянуть «изнутри» на работу бюрократического аппарата империи, понять работу Правительствующего Сената: внутренние интриги, опосредованное «влияние» монарха и обер-прокурора Святейшего Синода на сенаторов и выносимое решение по религиозным делам, неформальные консультации министра юстиции с обер-прокурором уголовного кассационного департамента (прошупывание атмосферы по делу, в том числе через посредника), подбор сенатора-докладчика по тому или иному важному делу и т. д. Благодаря А.Ф. Кони попытки преследования пасторов не получили развития, и после 1900 года преследования священников по религиозным основаниям в Прибалтике прекратились. Тема интересная и требует дальнейшего развития и изучения.

Ключевые слова: А.Ф. Кони; лютеранство; пастор; обер-прокурор; Сенат; конфирмация; религиозные преступления.

Цитирование. Рыбин Д.В. «Пасторские дела» в воспоминаниях А.Ф. Кони: проблемы свободы совести в Российской империи накануне Первой русской революции // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 4. С. 29–35. DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2021-27-4-29-35>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Рыбин Д.В., 2021

Данил Вячеславович Рыбин – кандидат исторических наук, доцент, директор, Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, 10-я линия В. О., 19, лит. А.

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: 12.08.2021
Revised: 25.09.2021
Accepted: 26.11.2021**«Pastoral works» in the memories of A.F. Koni: problems of freedom of conscience in the Russian Empire on the eve of the First Russian revolution****D.V. Rybin**Saint Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice,
Saint Petersburg, Russian Federation.E-mail: danilarybin@rambler.ru. SPIN-код: 9503-1890. Author ID: 424517.
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4851-2235>

Abstract: This publication examines the unexplored topic of the Senate jurisprudence regarding the legal status of Lutheran priests in the Baltic States at the end of the XIX century. The author defines the significance of the policy of state pressure on Protestant pastors in the context of the general attack of the Ministry of Internal Affairs and the Synod on non-Orthodox religious organizations under K. Pobedonostsev. Consideration of the issue from the position of the higher court of the Empire has not previously been undertaken in the scientific literature. During the preparation of the work, mainly narrative material was used – the memoirs of the Chief Prosecutor of the Senate. Due to the small number of cases and the semi-secret nature, the materials of the Senate were not particularly reflected in the collections of decisions and sentences. The problem-chronological approach was applied to study this subject. As a result, the reasons of the weak pressure on Protestant pastors the author associates with the deep rootedness of Lutheranism in the popular environment, the brutal activity of the police and the church, fears of a quarrel with the Lutheran countries of Europe, etc. Few sentences against pastors who «seduced» the «Orthodox» into another faith reached the Criminal Cassation Department of the Senate, where they met with resistance a group of senators led by the famous lawyer, humanist A.F. Koni. Among the numerous schismatic and sectarian affairs that A.F. Koni, as chief prosecutor and senator, draw attention to the so-called «pastoral affairs», which have not been sufficiently researched in the domestic scientific literature, and yet they well illustrate the church-state policy of the Russian state on the outskirts of the empire on the eve of the first Russian revolution. The author concludes that “pastoral affairs” are interesting not only from the point of view of the struggle of Russian infidels and the domestic educated intelligentsia for freedom of conscience in Russia, but they also allow to look «from the inside» at the work of the bureaucratic apparatus of the empire, to understand the work («internal kitchen») of the Governing Senate: internal intrigues, the indirect «influence» of the monarch and the chief prosecutor of the Holy Synod on senators and, accordingly, the decision on religious matters, informal consultations of the Minister of Justice with the chief prosecutor of the criminal cassation department (probing the atmosphere in the case, including through an intermediary), the selection of a senator-rapporteur on a particular important case, etc. Thanks to A.F. Koni, attempts to persecute pastors did not develop, and after 1900 the persecution of priests on religious grounds in the Baltics stopped. The subject is interesting and requires further development and study.

Key words: A.F. Koni; Lutheranism; pastor, chief prosecutor, senate, confirmation, religious crimes.

Citation. Rybin D.V. «Pastoral works» in the memories of A.F. Koni: problems of freedom of conscience in the Russian Empire on the eve of the first Russian revolution. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2021, vol. 27, no. 4, pp. 29–35. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-4-29-35>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declare no conflict of interest.

© Rybin D.V., 2021

Danil V. Rybin – Candidate of Historical Sciences, associate professor, head, Saint Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, 19 A, 10th line, Vasilievsky ostrov, Saint Petersburg, 199178, Russian Federation.

Введение

Через призму воспоминаний А.Ф. Кони рассматривается проблема религиозных преступлений, возникших в конце XIX в. как реакция на полу-принудительное вовлечение инородцев в лоно РПЦ. Пассивное сопротивление со стороны священников проявилось в осуществлении религиозных обрядов над «православными» поданными. Политика давления, оказываемая со стороны административных властей империи, натолкнулась на сопротивление высшего суда империи – Сената. Одним из активных участников, приостановивших процесс преследования лютеранских пасторов в Прибалтике, стал А.Ф. Кони.

Про лютеранство Российской империи существуют десятки исследований. Хотя во многих из них затрагивается правовой аспект, ни в одной работе не рассматривалась судебная практика коронной и мировой юстиции Северо-Западного края по религиозным преступлениям, совершавшимся против православия в конце XIX века (Г.Фриз, О.В. Курило, О.А. Лиценбергер, А.В. Максимов и пр.) [Российское лютеранство... 2011; Фриз, с. 777-806; Курило 2002; Лиценбергер 2005; Максимов 2000]. Мы специально не приводим здесь историографический очерк, так как таковой содержится в упомянутой выше работе Г. Фриза. Несмотря на относительно немалое количество исследований, тема давления на протестантизм в делах, инициируемых Победоносцевым и реализуемых

местной юстицией и органами внутренних дел, не получила специального освещения в трудах историков. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые рассматривается история правовой позиции Сената и ее обер-прокурора по данному вопросу.

Основная часть

«Пасторские дела» как явление в судебной практике империи в своей острой фазе возникли в Прибалтийском крае в 80-е годы XIX века. Прибалтийский (Остзейский) край состоял из 3 губерний: Курляндской, Лифляндской и Эстляндской. Население края в основном состояло из коренных жителей – латышей и эстонцев (более 80 %), также проживали немцы, литовцы, белорусы и русские. Большая часть населения по вероисповеданию была лютеранами (немцы, а также большая часть эстонцев и латышей), были православные (белорусы, русские) и представители раскольников и разных сект.

В царствование Николая I среди коренного населения Лифляндской губернии стали появляться первые православные, а с начала 1840-х годов по социально-экономическим причинам обозначился поступательный процесс перехода крестьянского населения Прибалтийского края (эстонцами и латышами) в православную веру. Причиной этого перехода из одного вероисповедования в другое (не без помощи органов внутренних дел) считает-

ся бедственное положение местных крестьян после освобождения от крепостной зависимости без земли. По-видимому, последние ожидали от власти за их религиозную лояльность определенных преференций, которые бы сказались на улучшении их жизни и быта. Вероятнее всего, переход коренного населения из лютеранской веры в православную не был искренним внутренним убеждением, так как через некоторое время, не получив помощи и защиты от официальной власти, пошел обратный процесс – возврат к лютеранству. По данным, приводимым А.Ф. Кони, из ста тысяч коренного населения, принявших «русскую веру», считали себя православными около тридцати тысяч [Кони 1912, с. 571]. Одновременно формально православное крестьянское население своих детей воспитывало в традициях лютеранской церкви. Однако перейти в православие коренному населению было просто, а вот вернуться к вере отцов было чрезвычайно затруднительно. Законодательство Российской империи закрепляло за Русской православной церковью (РПЦ) статус «первенствующей и господствующей». Несмотря на то что протестантизм относился к категории признанных и терпимых вероисповеданий (право свободы отправления культа), однако деятельность протестантской церкви была детально регламентирована, а миссионерская деятельность строго запрещена [Кулиев 2015, с. 19].

Таким образом, в силу сложившихся исторических обстоятельств в Прибалтийском крае сформировалась особая категория коренного населения, которая получила официальное название «колеблющиеся». Последние, с одной стороны, формально принадлежали к православной церкви, однако по факту не разделяли «русскую веру», а с другой стороны, по своему внутреннему убеждению были лютеранами, но обращаться к пастору им запрещал закон. Однако в силу разных жизненных обстоятельств «колеблющиеся» стали приходить к пасторам за требами: крещением, исповедью, венчанием, отпеванием и другими священнодействиями и молитвословиями. Закон же запрещал пасторам совершать требы в отношении лиц православного вероисповедания, и им за это грозила уголовная ответственность. Десятки тысяч людей из коренного крестьянского населения Прибалтийского края оказались в религиозно-правовой ловушке, а вместе с ними и пасторы. Перед последними стояла дилемма: либо помочь «заблудшим душам», принять их в лоно лютеранской церкви, но подвергнуться риску уголовного преследования, либо не исполнить свой религиозно-нравственный долг и предаться угрызениям совести.

Пасторы, сталкиваясь в своей деятельности с такими казусами, довольно часто стали уступать настойчивым просьбам официально православных, а по убеждениям лютеран, совершая конфирмацию¹, допускали их до священнодействий и молитвословий по лютеранскому образцу. В большинстве случаев к пасторам приходили

молодые люди (юноша и девушка) и просили их обвенчать. Пастор стоял перед выбором: или допустить греховную связь, или благословить и освятить брачный союз. В этой связи стали возбуждаться уголовные дела в отношении пасторов, которым вменяли в вину совершение треб над уклоняющимися от православной веры. В царствование императора Александра II центральная и местная власть не придавала большого значения данному виду религиозных дел, их производство шло медленно «в старом, сословном суде»², дела заканчивались либо оправдательными приговорами, либо ходатайством о смягчении наказания. В 1874 году вообще состоялось высочайшее повеление прекратить производство по делам об уклоняющихся от православной веры.

Однако ситуация радикально поменялась в царствование императора Александра III, при котором был разработан и стал претворяться в жизнь правительственный курс в отношении имперских окраин, пронизанный идеей русификации. Понятно, что политика русификации предполагала расширение влияния РПЦ в национальных окраинах империи, последняя с приходом в 1880 году обер-прокурором Святейшего Синода К.П. Победоносцева развернула энергичную и бескомпромиссную борьбу за паству. В 1882 году сенатор Н.А. Манасейн был направлен в Прибалтийский край для проведения ревизии, которая длилась один год и три месяца, выводы данной ревизии стали основой для масштабных преобразований в губерниях [Зайнутдинова 2014, с. 127]. После вышеназванной ревизии светская и церковная власть стали энергично проводить «интересы православия» в Прибалтийском крае. Преследование пасторов со стороны правоохранительной системы стало носить организованный характер, в частности, были составлены списки евангелическо-лютеранских проповедников (пасторов), которых нужно было привлечь к уголовной ответственности. Наконец, имело большие последствия поручение Н.А. Манасейна, которое он дал во время своей ревизии: преследовать пасторов, которые совершают требы по лютеранскому образцу над колеблющимися не по статье 193 Уложения о наказаниях и уголовных и исправительных 1845 года (Уложение), а по статье 187 за соvrащение из православного в иное христианское вероисповедание [Кони 1966, с. 289]. Разница этих двух статей в санкциях была велика. Статья 193 наказывала служителей других христианских вероисповеданий, которые заведомо допустили православных к исповеди, причащению или елеосвящению, или совершили таинство крещения или миропомазания, в первый раз удалением от места жительства от 6 месяцев до года, а за второй – лишением духовного сана и отдачей под надзор полиции (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных... 1869, с. 57). В то время как за соvrащение православного в иную христианскую веру (статья 187 Уложения) виновные лица приговаривались к ссылке в Сибирь или заключе-

нию в исправительные арестантские роты (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных... 1869, с. 55). Такой подход к «пасторским делам» был поддержан местным прокурорским надзором и Рижским окружным судом, тем самым признав конфирмацию соvrращением.

Руководители местных администраций прибалтийских губерний стали активно проводить «интересы православия» в вверенных им территориях и развернули широкую деятельность по выявлению и привлечению к уголовной ответственности пасторов. В 1885 году М.А. Зиновьев заступил на должность ливонского губернатора и почти сразу проявил себя в религиозных делах. Новый губернатор выявил в Ливонской губернии около 18 800 «уклоняющихся», при нем возбудили уголовные дела против пасторов в 90 приходах по 130 делам *о соvrращении православного* в другую христианскую веру путем совершения треб (по 187 статье Уложения) [Кони 1912. с. 573]. По оценке А.Ф. Кони, лидером среди прибалтийских губерний по числу «пасторских дел» была Ливония, в которой насчитывалось до 56 пасторов, привлеченных к уголовной ответственности [Кони 1966, с. 290].

В 1890 году Рижский окружной суд под председательством И.К. Максимовича (впоследствии сенатора) вынес первый приговор по «новым правилам» по «пасторским делам». Был осужден семидесятилетний пастор Вильгельм Гримм за соvrращение (187 статья), приговорен к лишению всех особенных прав и преимуществ и ссылке в Томскую губернию. Делу Гримма была уготована историческая роль, так как от его окончательного разрешения зависела правоприменительная практика в отношении «уклоняющихся» и окормлявших их пасторов во всем Прибалтийском крае, то есть судьбы тысяч людей.

Фабула дела Гримма была типичной для Прибалтийского края. Пастор был обвинен в том, что за 10 лет до рассмотрения дела (!) подтвердил православную крестьянку Вассиловскую и записал ее в церковные книги своего прихода. При выяснении обстоятельств дела было установлено, что Вассиловская приходила к Гримму со своим женихом Юргенсом не один раз, первоначально пастор отказал паре, но позже поддался уговорам и принял ее в лютеранскую веру. Приговор по «делу Гримма» был обжалован в Судебной палате, после рассмотрения жалобы палата не нашла признаков соvrращения в действиях обвиняемого, отменила приговор Рижского окружного суда и приговорила его на основании статьи 193 Уложения к удалению от места жительства на 8 месяцев, но за пятикратным истечением двухлетней давности постановила Гримма к ответственности не привлекать. В своих воспоминаниях А.Ф. Кони достоверно сообщал читателю, что доклад по «делу Гримма» в окружном суде делал его университетский приятель Н.А. Булатов, который советовался с ним и, несмотря на яростное сопротивление про-

курорского надзора, смог склонить палату к приращению в этом деле статьи 193 Уложения [Кони 1966, с. 290].

Однако прокуратура Петербургской судебной палаты посчитала приговор Гримму незаконным и колеблющим интересы православия в прибалтийских губерниях и решила его опротестовать. Перед тем как дать официальный ход протесту по данному делу, прокурор судебной палаты А.М. Кузминский³ (впоследствии сенатор) по поручению министра юстиции Н.А. Манасеина предпринял неформальные консультации с А.Ф. Кони⁴. При встрече А.М. Кузминский сообщил Кони, что министр юстиции не согласен с приговором судебной палаты и квалифицирует действия пастора Гримма как соvrращение (по 187 статье Уложения). Кони вынужден был парировать этот вывод и высказать свою позицию по «делу Гримма». Обер-прокурор разъяснил своему посетителю, что под соvrращением нужно понимать активную деятельность обвиняемого, которая, согласно 184 статье Уложения, может быть насильственной и ненасильственной. Кони обращал внимание, что по материалам дела в действиях Гримма не было просьб, убеждений, обмана или угроз, принуждения, насилия в отношении крестьянки Вассиловской. Пастор не настаивал на отступлении от веры, он лишь поддался на уговоры и просьбы формально православной девушки и принял ее в лютеранскую веру только после совета ей обдумать свое решение. Таким образом Кони доказывал, что в действиях пастора не было настойчивого воздействия на Вассиловскую, а значит, и факта соvrращения православной в лютеранскую веру. При этом Кони в беседе с А.М. Кузминским не ограничился юридической стороной «дела Гримма», он также высказал ему свое мнение по его догматической составляющей, обратив внимание прокурора, что конфирмация в лютеранстве представляет собой простой обряд, а не таинство. Таинства же в религии, несомненно, важнее, чем обряды, отмечал Кони, и если гипотетически признать конфирмацию соvrращением в иную религию, то наступает очевидное противоречие в самом законе: за совершение таинства (крещение и причащение) наименьшее наказание – удаление от места проживания, а за совершение обряда (конфирмации) – ссылка в Сибирь. Наконец Кони затронул общественно-политические последствия рассматриваемого дела, обратив внимание, что от исхода дела Гримма зависит судьба еще 56 пасторов, которые также будут сосланы в Сибирь, если Гримм будет осужден по 187 статье Уложения. Такой приговор, по мнению Кони, будет способствовать религиозному противостоянию в Прибалтийском крае, осужденные пасторы будут выглядеть «мучениками за веру», и вызовет негодование среди коренного населения [Кони 1966, с. 291].

В завершение беседы с А.М. Кузминским Кони позволил себе обратить внимание посетителя, что Н.А. Манасеин для него не авторитет в уголовном праве, как, например, В.Д. Спасович, П.В. Неклю-

дов или Н.С. Таганцев, а руководством для него при толковании закона являются исключительно сам закон и убеждение совести [Кони 1912, с. 578]. Стороны расстались, но остались при своих мнениях.

Буквально на следующий день, видимо, поняв, что в его словах кроме правды было много и дерзости в отношении министра юстиции, Кони стал инициатором встречи с Н.А. Манасеином, в которой вновь изложил свой взгляд на дело Гримма. Министр в этой беседе выразил полное согласие с мнением обер-прокурора, которого заверил, что не хотел на него давить, а А.М. Кузминский не так его понял. Вместе с тем все же в Сенат поступил протест по делу Гримма, и слушание дела было назначено на 12 марта 1891 года. Докладчиком по этому делу был назначен сенатор А.В. Волков, который вполне разделял взгляды Кони по «пасторским делам». Однако давление на Сенат по этому резонансному делу продолжилось, в интригу был втянут император Александр III. Незадолго до заседания в Сенате Н.А. Манасеин ознакомил Кони с сообщением Комитета министров, в котором была часть текста всеподданнейшего отчета лифляндского губернатора М.А. Зиновьева. Губернатор сообщил, что ведется борьба с соращениями православных в лютеранскую веру, отмечал эффективность борьбы вследствие применения наиболее строгой статьи Уложения, а также сетовал, что если Сенат не оставит в силе суровые приговоры по «пасторским делам», то продолжится повальное соращение православных в лютеранство. Рядом с этим абзацем отчета император синим карандашом собственной рукой написал: «Обратить внимание министра юстиции» [Кони 1912, с. 583]. Резолюцию императора чиновники восприняли как руководство к действию. В этой связи у Кони вновь состоялась личная встреча с министром юстиции, где Н.А. Манасеин при помощи обер-прокурора искал выход из сложившейся непростой ситуации по делу Гримма. Кони еще раз заверил министра, что его мнение не поменялась по этому делу. Однако неожиданности по делу Гримма продолжались, за 5 минут [Кони 1966, с. 294] (по другой версии – за 20 минут) до начала заседания сенатор А.В. Волков (докладчик по делу) сообщил Кони, что после внимательного изучения дела, он изменил свой взгляд и будет поддерживать протест прокуратуры. К этому времени сложилась практика в Уголовно-кассационном департаменте Сената, в силу которой решающее значение для исхода дела имел консенсус между заключением обер-прокурора (или его товарища) и позицией докладчика-сенатора. Это хорошо понимал Кони и его оппоненты, которые, вероятно всего, поняв, что обер-прокурор на компромисс не пойдет, смогли повлиять на мнение А.В. Волкова. Кони выступил с обер-прокурорским заключением, которое растянулось почти на полтора часа [Кони 1966, с. 294] (по другой версии – почти на два часа) [Кони 1912, с. 585], 16 сенаторов сове-

щались четыре часа и вынесли резолюцию по делу Гримма большинством голосов оставить протест без последствий (11 – «за», 5 – «против»). Таким образом, по итогам рассмотрения «дела Гримма» Сенат сформулировал правовую позицию по «пасторским делам», ко всем остальным пасторам стали также применять статью 193 Уложения.

Уже после вынесения решения Сенатом Кони узнал, что министр юстиции Н.А. Манасеин докладывал императору его мнение по «пасторским делам», Александр III отметил, если обер-прокурор считает, что приговор палаты правилен и соотносится со смыслом закона и министр Н.А. Манасеин разделяет это мнение, то и Сенату следует согласиться. Кони высоко оценил этот поступок Н.А. Манасеина, отмечая, что министр признал свое заблуждение по этому «делу Гримма» и доложил об этом императору [Кони 1912, с. 584].

Заключение

«Пасторские дела» для Кони были одной из категорий религиозных дел, с которыми он сталкивался в Сенате, наряду со штундистами, раскольниками, униатами и другими. Исход этих дел зачастую зависел от него как обер-прокурора, либо как сенатора-докладчика по делу, либо просто как авторитетного судебного деятеля, с которым советовались многие его коллеги и даже министры. Религиозные дела в Сенате для Кони стали одной из его специализаций. Сенатора возмущала несправедливость церковно-государственной политики империи в отношении иноверцев. Юрист-гуманист, исходя из его работ, речей и поступков, был сторонником свободы совести в России, его не устраивала политика «условной веротерпимости» в стране. Кони, безусловно, идейная личность, искавшая справедливость на протяжении всей своей жизни, и он реализовывал этот ценностный ориентир в своей профессиональной деятельности. Борьба за справедливые, законные судебные решения в отношении пасторов, кроме многочисленных неприятностей, ему ничего не приносила, ему приходилось противостоять часто воли монарха, министра юстиции и обер-прокурора Святейшего синода и действовать по закону и совести.

Правовая позиция и аргументация Кони по «делу Гримма» представляет собой комплексный анализ всех обстоятельств конкретного дела. В «пасторских делах» мы уже видим «почерк Кони», который подходил к исследованию обстоятельств дела основательно, применяя научный подход, изучая историю вопроса, анализируя различные аспекты рассматриваемого дела. Так, в «деле Гримма» он подробно проанализировал действующее законодательство и практику по такого рода делам, рассмотрел догматические аспекты «пасторских дел», а также спрогнозировал общественно-политические последствия в Прибалтийском крае в случае осуждения пастора по наиболее тяжелой статье. Видимо, Кони хоро-

шо изучил психотипы своих коллег и оппонентов (в том числе министра юстиции), понимал, какие аргументы будут наиболее действенны. Своим противникам он фактически не оставлял возможности для интеллектуального маневра, широко использовал свои энциклопедические познания в юриспруденции и религиозной догматике. Аргументы Кони отличаются конкретностью и логичностью, его же оппоненты зачастую противопоставляли ему громкие, но ничего не означающие фразы: «вековые устои», «интересы православия» и прочее.

Анализ «дела Гримма» показывает, что Кони почти на каждом этапе принимал явное и неявное участие в нем (фактически курировал его). В окружном суде докладчик по делу Н.А. Булатов неформально советовался с Кони, и суд согласился с мнением Булатова/Кони. Прокурор судебной палаты А.М. Кузминский, несогласный с решением окружного суда, также провел неофициальные консультации с Кони. Министр юстиции Н.А. Манасеин неоднократно неофициально беседовал и переписывался с Кони по этому делу, более того,

министр изменил свой взгляд на «дело Гримма» и встал на сторону обер-прокурора, а позже убедил в правильности взглядов Кони императора Александра III. Сенатор-докладчик А.В. Волков по «делу Гримма» в Сенате также беседовал с Кони и согласился с его взглядом, но в последний момент поменял свое мнение. Ну и наконец, обер-прокурорское заключение писал и докладывал Кони. Учитывая, что основными источниками по «делу Гримма» историкам служат 2 работы самого Кони – «Пасторские дела» и «Триумвиры» – напрашивается предположение, что он мог преувеличить свою роль. Однако при комплексном рассмотрении всей деятельности Кони по религиозным делам (унияты, раскольники, штунда и другие) можно сделать вывод, что юрист-гуманист видел в таком самоотверженном служении свое призвание в профессии и жизни. Последний тезис хорошо иллюстрирует также переписка Кони со своим другом Л.Н. Толстым (их в том числе объединяла идея свободы совести), в которой юрист-гуманист пишет о «редких минутах радости по поводу спасения какого-либо несчастливца» [Кони 1969, с. 163].

Примечания

¹ Конфирмация (лат. *Confirmatio*) – в католической церкви – торжественный акт, совершение так называемого миропомазания. В протестантской – принятие первого причастия, которое символизирует сознательное исповедание веры и включение человека в состав религиозного сообщества.

² Император Александр III 9 июля 1889 утвердил Положение «О преобразовании судебной части в прибалтийских губерниях», которое распространило Судебные уставы 1864 года на Прибалтийский край.

³ Кони был обязан Кузминскому знакомством с Л.Н. Толстым, который был женат на старшей сестре жены Кузминского.

⁴ Кони в периоды 1885–1891 гг. и 1892–1896 гг. работал обер-прокурором уголовно-кассационного департамента Правительствующего Сената, и дело Гримма непременно должно было попасть ему в руки.

Материалы исследования

Лиценбергер – *Лиценбергер О.А.* Римско-католическая и евангелическо-лютеранская церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII – начало XX вв.): дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2005. URL: <https://www.disscat.com/content/rimsko-katolicheskaya-i-evangelicheskoy-lyuteranskaya-tserkvi-v-rossii-sravnitelnyy-analiz-vz>.

Максимов 2000 – *Максимов А.В.* Эволюция лютеранства на Северо-Западе России: дис. ... канд. филос. наук. Санкт-Петербург, 2000.

Уложение о наказаниях... 1869 – *Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.* С разъяснениями по решениям кассационных департаментов Правительствующего Сената. Санкт-Петербург, 1869. С. 55–57. URL: <https://www.prlib.ru/item/459767>.

Библиографический список

Зайнутдинова 2014 – *Зайнутдинова Г.Ш.* Особенности реализации судебной реформы 1864 года в Остзейском крае // Вестник экономики, права, социологии. 2014. № 2. С. 126–128. URL: <http://www.vestnykeps.ru/0214/25.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21670096>.

Кони 1966 – *Кони А.Ф.* Собрание сочинений: в восьми томах. Триумвиры. Т. 2. Москва: Юридическая литература. 1966. С. 289–294. URL: <https://litvek.com/books/243698-kniga-anatoliy-fedorovich-koni-sobranie-sochineniy-v-8-tomah-tom-2-vozpominaniya-o-dele-veryi-zasuli>.

Кони 1912 – *Кони А.Ф.* На жизненном пути. Пасторские дела. Том первый. Санкт-Петербург, 1912. С. 571–585.

Кони 1969 – *Кони А.Ф.* Собрание сочинений: в восьми томах. Письма 1868–1921. Т. 8. Москва: Юридическая литература, 1969. С. 163.

Кулиев 2015 – *Кулиев Ф.М.* Правовое регулирование деятельности конфессий в Российской империи в конце XVIII – начале XX в. // *Известия СОИГСИ*. 2015. № 15 (54). С. 14–24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-deyatelnosti-konfessiy-v-rossiyskoy-imperii-v-kontse-xviii-nachale-hh-v/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=23250093>.

Курило 2002 – *Курило О.В.* Лютеране в России в XVI–XX вв. Фонд «Лютеранское Наследие» World Wide Printing. Москва, 2002. 400 с. URL: <https://wolgadeutsche.net/library/item/57>.

Российское лютеранство... 2011 – *Российское лютеранство: история, теология, актуальность*. Санкт-Петербург: Алетейя, 2011. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22329300>.

Фриз 2017 – *Фриз Г.* Религиозная политика Российской империи в Прибалтике // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62, № 4. С. 777–806. DOI: <http://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2017.407>.

References

Zainutdinova 2014 – *Zainutdinova G.Sh.* (2014) Particularities of Implementation of Judiciary Reform in 1864 in Baltic Provinces. *The Review of Economy, the Law and Sociology*, no. 2, pp. 126–128. Available at: <http://www.vestnykeps.ru/0214/25.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21670096>. (In Russ.)

Koni 1966 – *Koni A.F.* (1966) Collected works: in eight volumes. *Triumvirs*. Vol. 2. Moscow: Iuridicheskaja literatura, pp. 289–294. Available at: <https://litvek.com/books/243698-kniga-anatolij-fedorovich-koni-sobranie-sochineniy-v-8-tomah-tom-2-vozpominaniya-o-dele-veryi-zasuli>. (In Russ.)

Koni 1912 – *Koni A.F.* (1912) On the path of life. Pastoral affairs. Volume one. St. Petersburg, p. 571–585. (In Russ.)

Koni 1969 – *Koni A.F.* (1969) Collected works: in eight volumes. Letters of 1868–1921. Vol. 8. Moscow: Iuridicheskaja literatura, p. 163. Available at: <https://www.nehudlit.ru/books/pisma-1868-1927.html>. (In Russ.)

Kuliev 2015 – *Kuliev F.M.* (2015) Legal regulation of the activities of confessions in the Russian Empire at the end of the XVIII – beginning of the XX century. *Izvestia SOIGSI*, no. 15 (54), pp. 14–24. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-deyatelnosti-konfessiy-v-rossiyskoy-imperii-v-kontse-xviii-nachale-hh-v/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=23250093>. (In Russ.)

Kurilo 2002 – *Kurilo O.V.* (2002) Lutherans in Russia in the XVI–XX centuries. Lutheran Heritage Foundation World Wide Printing. Moscow, 400 p. Available at: <https://wolgadeutsche.net/library/item/57>. (In Russ.)

Russian Lutheranism... 2011 – *Russian Lutheranism: history, theology, relevance*. St. Petersburg: Aleteia. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22329300>. (In Russ.)

Freeze 2017 – *Freeze G.* (2017) Religious policy of the Russian Empire in the Baltics. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 62, issue 4, pp. 777–806. DOI: <http://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2017.407>. (In Russ.)